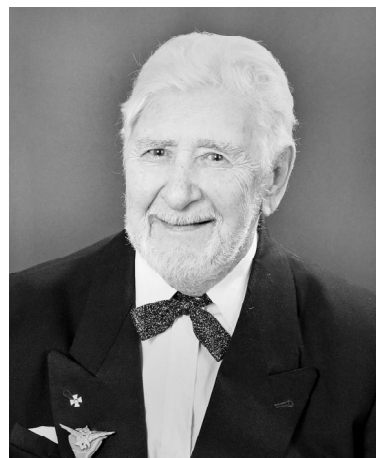

**Иван
Григорьевич
Тинин
(1923–2007)**

старший преподаватель

Однажды в коридорах одного школьного здания Советского района г. Волгограда, в районе обувной фабрики, мне встретилась моя судьба. Ею стал Иван Григорьевич Тинин – потомственный русский дворянин, родившийся в Болгарии, воспитанный в традициях русской православной культуры и в любви к России...

Будучи заведующей отделом патриотического воспитания Дворца культуры Волгоградского областного совета профсоюзов, я оказалась в этой школе не случайно. В ней располагался совсем тогда еще юный Волгоградский государственный университет (ВолГУ), которому было без малого три года от роду. Наряду со многими состоявшимися и начинающими работниками образования, просвещения и культуры, я пришла сюда в конце августа 1983 года, чтобы принять посильное участие в строительстве и формировании нового вуза в нашем городе.

Первым ректором молодого вуза начиная с 1980 года стал доктор экономических наук, профессор Максим Матвеевич Загоруйко. Его энтузиазм, предприимчивость, коммуникабельность, внешняя легкость и веселость в общении с людьми любого социального и возрастного уровня, его эмоциональность и широкая эрудиция заставляли людей ему верить, полагаться на него, следовать за ним. Он являлся как раз таким ректором, каким должен быть ректор-строитель нового государственного университета советской страны на совершенно Лысой горе Советского района г. Волгограда.

Думаю, вышеперечисленные качества его личности позволили Максиму Матвеевичу набрать достойную команду преподавателей и сотрудников из самых разных сфер производственной, образовательной и просветительской деятельности, причем не только г. Волгограда. Многие преподаватели, которые в дальнейшем стали доцентами и профессорами ВолГУ, были приглашены в университет после окончания аспирантуры и защиты кандидатских диссертаций различных ведущих вузов страны. Например, с ВолГУ начинается преподавательская карьера Николая Николаевича Станкова после аспирантуры Одесского государственного университета, Николая Дмитриевича Барабанова – после аспирантуры Ленинградского государственного университета, Натальи Петровны Страховой – после аспирантуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Джучи Михайловича Туган-Барановского – после аспирантуры Саратовского государственного университета и т. д.

В формировании ВолГУ приняли также участие молодые, но вполне состоявшиеся учителя, преподаватели и ученые других школ и вузов нашей страны. Среди них были: учительница Даниловской школы Волгоградской области, а ныне – известный ученый-антрополог Мария Афанасьевна Балабанова; кандидат, затем – доктор исторических наук Борис Федорович Железчиков, приехавший из Уральского государственного педагогическо-

го института; доктор исторических наук Владимир Анатольевич Китаев – из Горьковского государственного университета и другие.

Основой преподавательского состава нового вуза стали преподаватели Волгоградского педагогического института им. А.С. Серафимовича (ныне – университета), где Максим Матвеевич Загорулько до начала строительства ВолГУ (1980 г.) был ректором. За ним следом пришли работать в новый вуз, например, такие корифеи науки и образования, как археологи (кандидат, а затем – доктор наук Анатолий Степанович Скрипкин, аспиранты, а потом – кандидаты наук Игорь Викторович Сергацков и Валерий Михайлович Клепиков); филологи (доктор филологических наук Софья Петровна Лопушанская; кандидат филологических наук, ныне – профессор Ростислав Леонидович Ковалевский) и многие другие.

Среди приглашенных преподавателей из педагогического института выделялась уникальнейшая личность Ивана Григорьевича Тинина, который имел зарубежное и отечественное высшее гуманитарное образование, позволявшее ему проявить себя в университете многогранным историком и филологом. Он занимался самыми разными необходимыми работами для становления университета, преподавал самые разные гуманитарные дисциплины, особенно в первые годы функционирования молодого вуза, когда не хватало преподавательских кадров. Например, на факультете филологии, тесно сотрудничая с Софией Петровной Лопушанской, он преподавал болгарский и чешский языки, а на историческом факультете – историю СССР, историю Древнего мира и другие исторические курсы, вспомогательные исторические дисциплины, латинский язык и т. д. Причем эта работа его была совершенно безвозмездной, как шутила Софья Петровна: «За чашку чая с сахаром на кафедре русского глагола», которой она заведовала. Дело в том, что по тогдашним советским законам человек пенсионного возраста, а Иван Григорьевич уже был в этом возрасте, во-первых, имел право работать независимо от предпенсионной профессии только в качестве рабочего, а во-вторых, не имел права получать больше 150 рублей в месяц. Иван Григорьевич был участником Великой Отечественной войны, а также заслуженным работ-

ником культуры СССР. Его пенсия в месяц составляла 120 рублей. Поэтому в университете он мог получать только 30 рублей в месяц. Их явно не хватало на оплату его учебных часов на разных факультетах ВолГУ. Но в качестве рабочего он был не особенно нужен университету. Он был нужен ему именно как преподаватель-эрудит по многим гуманитарным дисциплинам, как единственный в своем роде носитель русского дворянского этикета, православной культуры и знаток организации обучения в зарубежных вузах. Максим Матвеевич хотел, чтобы молодые преподаватели и студенты юного университета были не просто высокообразованными специалистами, а высококультурными людьми, которые не имели бы ничего общего с Иванами, не помнящими родства, а напротив, бережно относились к своим генетическим корням и российским традициям.

Иван Григорьевич, как никто другой, подходил для выполнения этой задачи. Он окончил в 1942 году Русскую классическую гимназию в г. Софии, где проучился двенадцать лет и изучал, помимо Закона Божьего, литературы, истории, других гуманитарных дисциплин, а также болгарского и русского языков, еще пять языков (древнегреческий, древнееврейский, латынь, немецкий и французский). Затем, после гимназии, после Второй мировой войны, он учился на двух факультетах – юридическом и биологическом – Софийского университета им. Климента Охридского, где потом несколько лет работал до отъезда в 1955 году в Советский Союз. К тому же этот русский потомственный дворянин имел огромную потребность передать свои необъятные знания и жизненный опыт студентам и молодым преподавателям университета. Иван Григорьевич не заострял пристального внимания на материальной стороне дела и с удовольствием, с энтузиазмом, и почти бесплатно, работал в ВолГУ.

Я также испытала очарование этой личности с первых дней своей работы в университете. Максим Матвеевич поручил мне, как культпросветработнику, формирование молодых, еще не имеющих своего помещения музеев советско-чехословацкой дружбы и курсантских полков. Конечно, музеи относятся к культурно-просветительной сфере, но

у меня не было опыта именно музейной работы. Тем не менее, обладая авантюрным характером, я не стала возражать Максиму Матвеевичу и взялась за дело. Первый из предполагаемых музеев находился в одной из аудиторий нынешнего физического корпуса и представлял собой скорее не музей, а маленький выставочный зал с экспозицией на тему советско-чехословацкой дружбы. Материалы (документы, фотографии и пр.) по истории курсантских полков и вовсе хранились в коробках и папках. В работе с материалами по советско-чехословацкой дружбе мне вовсе не полагалось никаких штатных помощников. В моих усилиях неоценимую поддержку оказал Иван Григорьевич, в котором я сразу почувствовала родственную душу. Как выяснилось позже, сближение душ произошло потому, что он в разное время работал художественным руководителем в клубе советских граждан в Болгарии, художественным руководителем в Дубовском доме культуры Волгоградской области, преподавал в Волгоградском культурно-просветительном училище (ныне – ГОУ ВПО «ВГИИК»), где я в свое время также работала и училась. Ему хорошо была знакома культурная среда, из которой я пришла в университет.

Обладая эрудицией историка, филолога, биолога, юриста, он помогал мне находить и описывать материалы для музейных выставок и архивов, ухаживать за экспонатами будущих музеев. Он помогал оформлять витрины, проводить экскурсии, привлекать студентов и молодых преподавателей в организованный мною клуб друзей Чехословакии. Он даже позволял себе тратить свою зарплату на музейные нужды, потому что строящийся университет не всегда располагал необходимыми средствами, например, на открытие выставки к очередному юбилею Сталинградской битвы или к достойной встрече гостей из города Оломоуца. Такая самоотдача музейному делу на общественных началах, бескорыстная поддержка молодого специалиста на незнакомой ему работе не могли оставить меня безразличной к большому, красивому и бесконечно доброму человеку.

Мы с Иваном Григорьевичем стали друзьями, а затем и супругами (07.06.1985). Его

бескорыстие и трудолюбие оказались заразительными и для меня. Однако мне явно не хватало исторических знаний, которые необходимы были для работы в музее. Я решила стать историком и в свои 39 лет от роду снова села (в 1984 году) на студенческую скамью. В этом порыве меня также поддержал Иван Григорьевич.

Он был одним из моих преподавателей на заочном отделении историко-филологического факультета ВолГУ. Я хорошо узнала его не только как друга и коллегу, но и как преподавателя и педагога. Его занятия по геральдике, нумизматике, сфрагистике, нумерологии, картографии, хронологии и прочим вспомогательным историческим дисциплинам, а также по мировой и отечественной истории и латини были не только насыщенными важной информацией для будущего историка, но и интересными по методике преподавания, которую я в дальнейшем взяла на вооружение для своей работы со студентами. Его лекции и семинары всегда проходили весело, живо и бурно. Мы не просто слушали и записывали или зубрили и пересказывали ему материал, а чувствовали себя активными участниками учебного процесса. Его лекции скорее были лекциями-беседами, а семинары больше походили на круглый стол коллег по какой-нибудь исторической проблематике. Обладая широкой эрудицией, он любил на занятиях импровизировать, делать логические отступления от темы. Нам казалось, что он знал все и был «ходячей» энциклопедией. На занятиях Иван Григорьевич никогда не жалел своих эмоций. Мы слышали его, то громкий и раскатистый баритон, когда он посмеивался над нашими глупостями, то удивленно затухающий и спокойный голос, удовлетворенного ответом преподавателя, если студенту удавалось сказать что-то умное. Он не скупился на похвалу студенту за усердие, любознательность и умные мысли, сопровождая ее такими словами, как «милый/милая», «родненький/родненькая». Ощущение было у каждого, кто слышал в свой адрес эти слова, что они посвящены только ему, что именно он неофициально принят в семью Ивана Григорьевича. Речь его лилась всегда плавно, медленно, завораживающе. В ней ощущалась бесконечная доброта и участие в твоей судьбе. Студенты любили

его еще за то, что он был искренним и по-детски легким в общении, игривым и открытым, но при этом ему как-то удавалось не допускать фамильярности. На его занятиях серьезное и конкретное перемежалось байками и анекдотами о давнем и недавнем прошлом. Мы всегда чувствовали его глубокое уважение к нам, как к личностям, и никогда не обижались на его тактичные шутки и колкости, на которые он был очень щедр. Одним словом, студенты, влюбленные в своего преподавателя и подражавшие ему во всем, не замечали, как рядом с ним они становились умнее, образованнее и благороднее. Этот процесс проходил незаметно, естественно и ненавязчиво для нас всех, учившихся у него.

Частичное ощущение атмосферы на занятиях Ивана Григорьевича на историческом факультете ВолГУ, восприятие его неспешной, но взволнованной русской речи дает отрывок из его мемуаров, где автор раскрывает значение одной из вспомогательных исторических дисциплин – «Генеалогии»:

Генеалогия является интереснейшей наукой. Она учит составлять таблицы рода или древа предков и, таким образом, не позволяет людям забывать о своем прошлом. В этой науке причудливо соединены архивные данные, материалы недавних лет с собственным представлением о роде составителя таблицы. В далеком прошлом рыцарь Средневековья имел свой линеаж, то есть родословную, которую он свято чтит. В то время благородные рыцари выводили свой род кто от Геркулеса, кто от Александра Македонского, кто от Иафета – сына Ноя. А наш царь Иван Грозный в пику императору Священной Римской империи вывел свой род от Октавиана Августа. Мол, и мы не лыком шиты.

Любопытную информацию я как-то получил из британской энциклопедии 1923 года. Там было написано, что Иван IV Грозный, русский царь, прозван за свою жестокость Васильевичем. Это к слову. Но продолжим разговор о генеалогии. Последним составляющим элементом генеалогии я назвал собственное представление о роде. Да, люди всегда старались преувеличить достоинства своих предков, чтобы гордиться ими, но преувеличивали по-разному. Во всех цивилизованных странах обладатели линеажа говорили о богатстве и благородстве предков, о том, как они были отмечены королями и императорами различными наградами. В общем представителей своего рода возводили в ранг величайших.

Единственной страной, нарушившей этот принятый европейской цивилизацией (и не только европейской) порядок, стала наша страна в период победившего социализма. Генеалогия была объявлена буржуазной наукой, то есть набором таких знаний, которые не нужны советскому человеку.

Идеология нашей страны в недавнем прошлом была направлена на то, чтобы советские люди забыли о своих предках, потому что русские люди, жившие до 1917 года, конечно же, не являлись советскими людьми. Они были зажиточными крестьянами, которых большевики называли кулаками, учителями учебных заведений Российской империи, священнослужителями, офицерами, купцами второй или первой гильдии, а еще опаснее, если они были полицейскими, городскими или жандармами.

Если молодой человек в 20-х годах приходил устраиваться на работу, скажем писарем в сельсовет, то он, как правило, говорил, что пришел от сохи или станка. Только такая классовая принадлежность позволяла молодому человеку получить работу. Но при этом никто не задумывался над тем, что на всех станков бы не хватило, а от сохи пахло мелкобуржуазным крестьянским духом. Советские люди также старались преувеличивать возможности своих предков, если их об этом спрашивали, но с точностью до наоборот. Достоинством считалось для матери быть в прошлом проституткой, а отцу каторжанином, при этом умалчивалось, за что тот сидел. Другими словами, потомки врал о своих предках, скрывали их доблесть, принижали их социальный статус, чтобы приблизиться к тому классу, диктатура которого была объявлена в нашей стране. Это вранье превратилось у нас в способ и образ жизни, в способ выживания. Вранье сменялось крепким замалчиванием того, кем были на самом деле наши прадеды. Это позднее привело к тому, что мы превратились в Иванов, не помнящих родства.

Лет 25 тому назад я начал преподавать так называемые вспомогательные исторические дисциплины в нашем Волгоградском педагогическом институте (ныне – университете). Мои студенты должны были на практических занятиях по предмету «Генеалогия» составлять генеалогические таблицы или древа. Здесь меня удивили студентки из Чехословакии, которые не только знали своих дедов и прадедов до десятого колена, но и расхваливали их доблесть, храбрость, богатство. Значит, традиции генеалогии в их стране даже в эпоху социализма сохранялись. Наши же советские студенты знали хорошо маму, хуже – папу, что-то помнили о дедушке и бабушке, а затем был провал до Адама и Евы. Кроме того, судя по их генеалогическим таблицам, абсолютно соответствовавшим советскому

канону, никто в семье не был сослан в лагерь, никто не был расказачен, предки-казаки стояли за советскую власть, никто не был объявлен врагом народа. В общем, в роду все было, по тем представлениям, прилично. Одна студентка принесла мне большой лист картона, на котором помещались в овалах фотографии с какими-то военными чинами. На одной из них были изображены две вышки, патрули с собаками – и все это было огорожено колючей проволокой.

– Что это? – спросил я.

– А это памятная фотография по случаю десятилетия какого-то концлагеря, в охране которого служил мой дедушка, – ответила студентка.

Потомки такой службой предков тогда гордились. В целом студентка правильно показала своего деда. Предков не выбирают, и надо их показывать такими, какими они были на самом деле.

Мое занятие генеалогией в институте вызвало тогда, по меньшей мере, недоумение у руководства вуза. Меня вызвали в бюро парткома и сказали, что эту дисциплину не нужно преподавать студентам. Они не должны знать этот предмет. К тому же они не Рюриковичи, чтобы знать свою генеалогию.

Теперь прошлые времена канули в Лету. Сегодня я преподаю те же дисциплины в Волгоградском государственном университете. Студенты университета избавились от советского синдрома, не скрывают прошлого своих предков и дают более или менее точные данные о них, когда выполняют практические задания по генеалогии. В результате выясняется, что во многих семьях были репрессированные, так называемые «враги народа», пропавшие без вести, имеются даже родственники за границей, о чем не упоминалось бы 15 лет назад. Среди студентов есть и такие, которые доказывают свое дворянское происхождение. Иногда это выглядит как курьез. Один студент уверял меня, что он из казачьих дворян из Серафимовича. Я возразил ему, мотивируя тем, что среди казаков не было дворян. Но студент продолжал стоять на своем. Тогда я его спросил:

– А как до революции назывался Серафимович?

Студент не знал, что на месте города Серафимовича была станица Усть-Медведицкая. В этом его незнании также сказались результаты многолетнего советского воспитания народа, которое было нацелено на то, чтобы люди забыли и свою подлинную историю, и предков, живших до революции. Но, слава богу, потихоньку мы начали обращаться к своему прошлому, к своим пращурам. Одним из источников генеалогической практики для моих студентов служит память их дедов и бабушек, которые до сих пор не избавились от страха и привычки помалкивать. Это затрудняет работу студентов, но они с ней справляются.

Что касается моего рода, то я, воспитанный русской гимназией в Болгарии, всегда интересовался историей моего рода. Пришла очередь рассказать о моих предках все, что мне известно.

Фамилия Тинин создана искусственно и совершенно не распространена в России. Мой отец Григорий Иванович закончил до революции Московскую консерваторию (он обладал лирическим тенором) и, мечтая об оперной сцене, взял для себя псевдоним, как это было принято в Российской империи. Дело в том, что быть дворянину на сцене под своей фамилией считалось позорным. Поэтому Шверубович стал Качаловым, Алексеев – Станиславским, а мой отец взял псевдоним в честь своей старшей сестры Валентины, которую в семье звали Тиной. Но грянувшая Первая мировая война, а затем и революция в нашей стране помешали его артистической карьере. Псевдоним же превратился в фамилию. Фамилия отца, судя по российскому паспорту, была двойной – Тинин-Никулин. Под такой фамилией он оказался в Болгарии, но здесь при выпуске нового паспорта ее сократили – и отец стал просто Тининым.

Фамилия Никулин также является не очень древней. Предки моего отца назывались Микулиными до правления Екатерины II. При Екатерине II мы стали называться культурней, а именно: Никулиными. Так что истоки своего рода мне нужно было искать под фамилией Микулины. Из рассказа отца я знал, что мой предок Григорий Иванович Микулин (у нас в роду по мужской линии все время повторяются имена Григорий и Иван) был опричником у Ивана Грозного и вместе с Малютой Скуратовым когда-то по приказу царя задушил митрополита Московского Филиппа. Этот рассказ отца не подтвержден архивными документами. Возможно, что тут как раз тот случай, когда, желая возвеличить предка, мой отец преувеличил его значимость как опричника в те грозные времена. Тем не менее рассказ о Гришке Микулине я запомнил на всю жизнь и как-то при встрече передал митрополиту Волгоградскому и Камышинскому Герману, на что он мне ответил:

– Какой тонкий атеист был ваш прадед.

За это дело, а может быть и за другие дела, опричник Микулин получил жалованную землю в Курской губернии. Впрочем, тогда губерний не существовало. Жалованная ему земля представляла собой пограничную полосу на юге страны, которая довольно часто подвергалась набегам татар. Мой отец говорил (не знаю, правда или нет), что за XVI век на эту вотчину Григория Микулина татары делали набеги 14 раз, а он охранял южные границы Московского царства от них. После смерти Ивана Грозного, уже при Борисе Годунове, мой прадед был направлен послом России в Англию. Тогда ко-

ролевой Англии была Елизавета I. Известна архивная запись о том, что после пира, на котором за королевским столом сидела вся английская знать, королеве принесли золотой тазик и кувшин, чтобы она могла после обеда помыть руки. Помыв руки, Елизавета приказала подать этот тазик русскому послу. Мой предок низко поклонился королеве и сказал, что он не достоин мыть руки в том же тазу, в котором мыла руки королева. Елизавета высоко оценила его поступок и в присутствии всех сказала:

– Вот настоящий джентльмен!

Наверное, что-то такое джентльменское осталось в генах и у меня от этого древнего предка. По крайней мере, я на это надеюсь.

Но жизнь Григория Микулина состояла не только из джентльменских проявлений. Она была достаточно драматичной и подчас нелепой. Например, Н.М. Карамзин и другие русские историки писали о том, что он присягнул на верность Лжедмитрию I. Это, на мой взгляд, не красит моего предка как личность. В 1606 году Григорий Микулин умер, но не ясно, был он убит или умер естественной смертью – от старости. Ясно только одно, что он в свое время не тому присягнул.

Другие мои предки также не отличались высокой нравственностью. Известно, что один из Никулиных продал земли Троице-Сергиевой лавре, а деньги пропил с цыганами. Но зато другой мой предок участвовал в освобождении Болгарии от турок, чем я очень горжусь. Иначе говоря, предков не выбирают и помнят их такими, какими они были. Потомки же должны быть всегда лучше их своими делами и молитвами обязаны замаливать их грехи.

А вот недавно, на мое семидесятишестилетие мне преподнесли один очень приятный сюрприз относительно моего происхождения. Доктор исторических наук И.О. Тюменцев, который занимается проблемами истории средневековой России, отыскал в архивах продолжение моего рода. Он нашел отца Гришки Микулина – Ивана Григорьевича, который происходил от дворян Заболотских. Среди этой фамилии встречается Микула Ярый, который и дал имя роду Микулиных. В свою очередь, дворяне Заболотские пошли от князей Смоленских, родоначальником которых был князь Смоленский Ростислав Мстиславич (ум. в 1167 г.). Князья же Смоленские пошли от Мстислава Великого (ум. в 1136 г.), который, в свою очередь, был потомком Рюриковичей. Вот как глубоко в историю уходит мой род. Я по этому случаю шучу, что являюсь последним претендентом на российский престол.

Для чего я Вам, уважаемый читатель, раскрыл свою родословную? Да для того, чтобы показать, какие ожидают Вас сюрпризы в процессе изучения своей генеалогии. Не забывайте своего про-

шлого, изучайте историю предков, составляйте таблицы и генеалогические древа.

Однажды на занятии по истории новейшего времени, чтобы дать отдохнуть студентам от записей лекции, Иван Григорьевич рассказал любопытнейший анекдот европейской студенческой молодежи, запомнившийся и нам на всю жизнь. Анекдот был про Вторую мировую войну:

Шел 1943 год. Рузвельту доложили, что к нему на прием пришел посол Королевства Венгрии.

– Пусть войдет, – сказал Рузвельт.

Посол вошел – и Рузвельт спросил:

– Вы посол Королевства Венгрии?

– Да, сэр.

– Значит, у вас есть король?

– Нет, сэр. Короля у нас нет. У нас есть регент – адмирал Хорти.

– А, у вас адмирал. Значит, вы имеете большой флот?

– Нет, ваша светлость. Наш флот забрали итальянцы еще после той войны.

– Значит, в этой войне вы воюете против итальянцев?

– Нет, сэр. Они наши союзники в борьбе против Советского Союза.

– Вы, наверное, хотите получить какие-то территории от Советского Союза?

– Нет. Мы хотим вернуть себе Трансильванию от румын.

– Так вы, значит, все-таки воюете против Румынии?

– Нет. Она наша союзница против СССР.

– Так что же это такое? В чем же логика здесь? – спросил Рузвельт.

– А это такой новый порядок в Европе, придуманный Гитлером.

Студенты-историки отреагировали на этот анекдот смехом. Однако Иван Григорьевич не унимался и начал комментировать абсурдность европейской внешней политики, в которую была втянута в начале 40-х годов XX века и наша страна. Аудитория прекратила смеяться, осознав серьезность последствий такой политики для всех народов. А Иван Григорьевич снова плавно перешел к прерванной теме занятия. Для меня было удивительно наблюдать, как он блестяще владел аудиторией. Она будто по мановению палочки дирижера замолкала и сосредотачивалась на предложенной им проблематике. Она мог-

ла безудержно грохотать от смеха, который доносился даже до деканата, либо гудеть от одновременного обсуждения студентами какой-то мысли, произнесенной преподавателем вслух. При этом и смех, и гул достаточно быстро затухали, прерванные либо сменявшейся интонацией в голосе лектора, либо каким-то знаковым его движением руки, на которую реагировала вся аудитория. Он никогда не сердился и не раздражался ничем. Снова наступала рабочая тишина, и студенты, как ни в чем не бывало, продолжали прилежно записывать лекцию на тему о Второй мировой войне в соответствии с учебным планом и ГОСТом по новейшей истории.

Не менее интересно Иван Григорьевич проявлял себя в университете за рамками учебного процесса. Он умел дружить с коллегами, был предельно внимательным не только к студентам, но и молодым преподавателям ВолГУ, с уважением относился к немногочисленному тогда составу профессоров. Он находился у истоков рождения Дня историка в университете, и студенты посвящали ему шаржи, свои стихи и прозу. Вот несколько примеров, которые зафиксировала моя память, – безымянных студенческих виршей, прозвучавших на том или ином Дне историка в честь Ивана Григорьевича:

Преславный сын Руси Великой,
Сей стих тебе лишь посвятим.
О, Тинин!
Гений светлолюкий,
Хвалу воспеть тебе хотим.
Источник доброты бескрайной,
И мысли сладостный родник.
Тебе свой стих ничтожный дарит
Твой недостойный ученик.

Один из многих шаржей, который ко Дню историка студенты посвятили Ивану Григорьевичу, был сопровожден следующим стихосложением:

Геральдика. Намет. Коллекции.
Вексилология по ВИДу лекции.
Лев. Леопард. Рог изобилия.
Герб. Флаг. Трехлопастная лилия.
Эмблема. Символ. Кролик. Кошка.
Финифты с серебром немножко.
Меч-макси и кольчуга-мини.
Колпак фригийский – это Тинин.

Иван Григорьевич, действительно, был очень добрым и улыбчивым человеком. Для вчерашних советских людей, которых научили скрывать свои эмоции и быть предельно сдержанными, смех и открытая улыбка его были уже чем-то неординарным, выходящим за рамки принятого в советском обществе. А студенты и молодые преподаватели его приняли таким и именно за это обожали. Не случайно на одном Дне историка студенты торжественно вручили Ивану Григорьевичу «Медаль за доброту», которая сегодня находится в мемориальной комнате нашей совместной квартиры, где мы счастливо прожили с ним двадцать три года семейной жизнью до самой его кончины.

Иван Григорьевич любой значимый красный день календаря или какое-то важное событие на факультете превращал в праздник, увлекая за собой к участию в нем других наших преподавателей и студентов. Он был у истоков университетского КВНа, университетского капустника, празднования юбилеев и дней рождения и прочее. В период только начавшегося строительства университета, когда учебный процесс проходил в очень экстремальных условиях и отнимал много душевных и физических сил у студентов и преподавателей, человек, способный снимать стрессовые ситуации, быть человеком-праздником для других, воспринимался как подарок судьбы. Таким подарком судьбы для всех нас в те трудные времена становления университета был Иван Григорьевич.

Но откуда же он брал силы, чтобы оставаться добрым, веселым, энергичным и полезным людям, находясь при этом в тех же экстремальных условиях, что и мы? Остается загадкой. Может быть, ему в этом помог высокий профессионализм социально-культурного работника, каковым он проявлял себя до преподавания в учебных заведениях. Недаром же Иван Григорьевич был удостоен, как уже было выше сказано, звания заслуженного работника культуры СССР. Может быть, ему помогал преодолевать трудности никогда его не покидающий дар любить людей. Это качество русского, православного дворянина заметил митрополит Волгоградский и Камышинский Герман, который предложил ему стать настоятелем церкви, на что Иван Гри-

горьевич ответил: «Владыка, я Вам в миру больше пригожусь, чем в церкви». Действительно, он очень много помогал митрополиту в становлении Русской Православной Церкви, став первым редактором газеты «Православное слово», которая выходит до сих пор, распространяя в 80–90-х годах Библию и Новый завет в учебных заведениях, став крестным отцом не одного десятка студентов и детей молодых преподавателей ВолГУ, преподавая в университете, гимназиях и лицеях г. Волгограда по существу Закон Божий, а формально – «Историю православной культуры», «Православный этикет» и прочее. С каким-то, не свойственным советским мужчинам, особым уважением и преклонением относился Иван Григорьевич к женщинам. Он считал, что женская природа более тонкая и чувствительная, чем мужская. В сложных ситуациях женщинам приходится тяжелее, чем мужчинам. Он также был справедливо уверен, что «если женщине сделать добра на копейку, она вернет тебе его на рубль». Поэтому при встрече с любой женщиной университета он своим изящным целованием женской руки, добрым комплиментом или шуткой старался вызвать у нее улыбку и душевную теплоту. Женщины, действительно, не оставались в долгу и обожали его всеми фибрами своей души. Не без его активного участия к каждому Международному женскому дню 8-е Марта мужчины факультета выпускали газету, посвященную женщинам факультета. Она состояла из женских фотографий и по-мужски хвалебных стихотворных характеристик, например таких:

Прихожу на факультет,
Как в «Алмазный фонд»,
Слов от восхищенья нет,
Слышен только стон.
Вместо стендов тут видны
Чудных женщин лица.
Украшение страны
И любой столицы...

В 90-е годы XX века тогда еще кандидат, а ныне – доктор исторических наук Д.М. Туган-Барановский готовился к защите докторской диссертации и опубликовал монографию «Истоки бонапартизма». Иван Григорьевич не заставил себя долго ждать и написал по слу-

чаю презентации этой монографии добрую и веселую стихотворную рекламу:

Внимание, внимание! Бестселлер сезона!
Тираж почти четыре миллиона!
Покупайте, хватайте, берите!
Пожалуйста, плис, силь ву пле, бите.
Ни Тарле, ни Карамзин, ни Покровский
Не знали так много, как Туган-Барановский.
В этой книге великий корсиканец
Дан как тиран, император и республиканец.
Берите сразу два тома,
Это признак хорошего тона.
Гарвард, Кембридж и Сорбонна
Дали заявки на два миллиона.
Но мы из чувства глубокого патриотизма
Продаем только здесь «Истоки бонапартизма».
Прекрасный подарок по любой причине –
Можно дарить и даме, и мужчине.
Дарите в день рождения и на именины,
На похороны и на крестины!
Это не книга! Это сенсация!
Спасибо, сенк ю, мерси, данке шен, грация.
Идя навстречу почитаемой публике
Мы принимаем не только рубли, но и тугрики,
Фунты, франки, марки и кроны
И даже сестерции, дукаты, дублоны.
Читают эту книгу все поголовно.
Добавлю, что рецензент – Наталья Петровна.
Это она убрала все шероховатости и кочки
И над каждым «и» поставила точки.
Всем хватит! Не толпитесь как в универмаге.
Книга отпечатана на неплохой бумаге,
В ней прелестные иллюстрации
Деятелей империи и реставрации.
Только вот переплет – ни кожи, ни рожи.
Но мне не книга, мне автор дороже.

Одним словом, Иван Григорьевич Тинин вместе с немногими основателями вуза стоял у истоков современного Волгоградского государственного университета. Трудно переоценить значение его вклада, как многогранного профессионала своего дела, мужественного и одновременно доброго, легкого и коммуникабельного человека, в рождении и формировании университетских традиций и специальных университетских праздников, позволявших создавать дружный работоспособный коллектив. Сегодня другие условия и возможности у Волгоградского государственного университета, но традиции, созданные его основателями, и праздники, которые так любил

организовывать Иван Григорьевич, продолжают жить и в современном университете. Студенты, учившиеся у Ивана Григорьевича, давно стали самыми разными высокопрофессиональными специалистами народного хозяйства Волгоградской обла-

сти. Но никто из них никогда не забудет уроков своего преподавателя, друга и наставника, который дал им путевку в жизнь. В них его бессмертие. В них продолжение его благородства, высокого интеллекта и бескорыстной любви к жизни.

*Зоя Тинина,
профессор, заведующая кафедрой
ОД ГОУ ВПО «ВГИИК»*